

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Воздух смягчала высокая влажность, но все равно чувствовалась удушающая жара.

Ожидая, пока прогреются гигантские турбины самолета С-130 «Геркулес», я смотрел на своих боевых товарищей, выстроившихся в колонну на этой опаленной тропическим солнцем взлетно-посадочной полосе. Все американцы, как и я, были одеты в форму без опознавательных знаков. Во время таких операций ничто не должно выдавать твое подразделение или звание — мало ли как обернется дело. Если попадешь в плен, лучше не иметь при себе ничего, что позволит догадаться: ты не просто солдат.

Как и другие парни, я провел полную ревизию: сорвал нашивки и обыскал карманы, чтобы ненароком не прихватить с собой документы и семейные фотографии — ничего такого, что выдавало бы мое гражданство или место службы.

Даже фотографию жены и трех сынишек ни в коем случае нельзя было брать с собой.

Когда речь шла о такой войне и таком противнике, эти меры предосторожности следовало строго соблюдать. Дело было в Эквадоре. Мы обучали местные отряды специального назначения, которые боролись с Революционными вооруженными силами

Колумбии. Это опасная группировка повстанцев. Чтобы финансировать свои операции, они похищают людей, требуя выкуп, незаконно добывают полезные ископаемые, а главное — торгуют наркотиками.

РВСК сплели паутину наркотрафика, тянущуюся из южноамериканских джунглей далеко на север, до самых США, и на восток, охватывая Европу на том берегу Атлантического океана. При доходе примерно триста миллионов долларов в год и десятках тысяч вооруженных сторонников РВСК стали хорошо оснащенной, закаленной в боях силой, не сковывающей себя никакими правилами ведения войны. Эти люди известны своей жестокостью. Никому не посоветовал бы иметь с ними дело.

Я посмотрел на часы. До взлета оставалось двадцать минут. Я окинул взглядом своих сослуживцев по Авиационному полку специального назначения, Уилла и Трэвиса. Спокойные и раскованные, они закатали рукава и обнажили шею, расстегнув верхние пуговицы. Ни дать ни взять — настроились на учебный прыжок где-то над Флоридой, а не на операцию в джунглях, кишасщих опаснейшими в мире наркобандитами. Дело было в конце девяностых. Авиационный полк специального назначения, известный также как Сто шестидесятый полк, или «Ночные охотники», уже терял людей в этом регионе. Мы ввязались в чертовски опасное дело. Но для Уилла и Трэвиса просто настал очередной день, когда они могут заняться любимым делом. И, по правде говоря, так начинал относиться к этому и я.

Раньше я служил в войсках особого назначения ВВС, поэтому в Авиационный полк меня взяли далеко не сразу — эти армейские подразделения всегда отчаянно соревновались между собой, не давая спуска друг другу. Никто не жаловался. Это жестокое соперничество держит обе военные силы в тонусе. Но я провел в Авиационном полку много месяцев и уже начинал чувствовать себя здесь своим.

В Эквадор мы прибыли для того, чтобы обучать местных военных — Девятую бригаду особого назначения, более известную как «ПАТРИА» (по-испански это означает «Отечество»). Эти парни боролись с РВСК и пытались положить конец торговле наркотиками. Но следовало понимать, что, если бы нам самим приходилось отсиживаться в тылу, мы бы не имели возможности выполнять свою работу. Мы могли бы настояющему научить чему-то этих ребят, лишь выходя с ними на операции в полевых условиях. Эквадорцы выстроились на взлетно-посадочной полосе вместе с нами. Их форму никто не назвал бы лишенной опознавательных знаков. На левом рукаве у каждого был значок отряда «ПАТРИА» — череп с двумя клинками. Меж пустых глазниц извивалась кобра. Местные рассуждали так: попав в плен к РВСК, они в любом случае погибнут страшной смертью — тогда зачем хитрить и скрывать свое подразделение?

Вооруженные силы и торговавшие наркотиками повстанцы издавна отчаянно враждовали, и ни одна из сторон не склонна была проявлять милосердие. Нам предстояло лететь на север, в далекую Центральную Кордильеру, где не действовали никакие законы. Это покрытое джунглями ответвление горного хребта, змеясь, простирается до соседней Колумбии. Судя по данным разведки, РВСК использовали реки для того, чтобы переправлять наркотики из глубин дождевого леса во внешний мир, а конечным пунктом назначения, скорее всего, были Соединенные Штаты Америки. Ребята из «ПАТРИИ» планировали установить наблюдение за одной из этих рек, блокировать там торговлю наркотиками и захватить пленных, у которых можно будет собрать дополнительные сведения, необходимые для того, чтобы разорвать паутину наркотрафика. Наша роль заключалась в том, чтобы тренировать их для более успешного выполнения этих задач, и мы верили в это от всей души. Мы сражались на стороне добра с настоящим врагом, и ребята из «ПАТРИИ» — хотя им не хватало опыта и навыков, а может быть,

именно поэтому, — стали нам близки. Они были идеальными учениками, прямо как губки, готовые впитать все, что мы могли им дать. И, видит Бог, они должны были многому научиться.

Позади я услышал пронзительный вой: от пусковых двигателей «Геркулеса» разогнулись турбины. Постепенно раскрутились массивные крючковатые лопасти. Авиабензин горел буйно и ярко в горячем влажном воздухе. Когда я собирался подниматься на борт, Джин хлопнул по моей ладони пятерней.

— Кажется, мы готовы! Нам пора, Черт!

Ребята из Авиационного полка дали мне это прозвище, потому что я почти никогда не ругался и уж тем более не говорил плохо о родителях или начальстве. Так уж меня воспитали. Самым грубым словом в моем лексиконе было «черт», отсюда и кличка. Но это не помешало мне стать своим в Сто шестидесятом. Незадолго до того командир подразделения отвел меня в сторону и сказал, что если я участвую в операциях Авиационного полка специального назначения, то должен носить эмблему «Ночных охотников» вместе со своим значком войск особого назначения. Значок «Ночных охотников» обычно был у меня на правом плече, значок войск особого назначения ВВС — на левом нагрудном кармане. Носить два значка было непривычно, и я чувствовал, что это огромная честь.

Мы поднялись на борт. Я надел шлем и затянул ремешок под подбородком, устраиваясь на складном матерчатом сиденье. «Геркулес» взлетел, а потом зарокотал на небольшой высоте, над самыми вершинами деревьев — так низко ни один радар его бы не засек. Самолет, летящий на малой высоте, сложно сбить с земли, потому что он проносится и исчезает из виду за несколько секунд.

Я сидел в хвосте самолета, возле большой кучи рюкзаков, на которые была накинута сетка, чтобы они не рассыпались. Сквозь приоткрытый люк я видел, как внизу проносятся джунгли. Казалось, вершины деревьев так близко, что можно протянуть руку и коснуться их.

Пилот, конечно же, знал свое дело. Если бы наш самолет еще хоть немного снизился, верхние ветви деревьев попали бы в лопасти винтов. Мы летели над зеленым ковром. Нечего было и думать перекинуться хотя бы словечком — все заглушали рев турбин и шум ветра. Изредка лесной покров расступался, давая место реке, узкой тропе или деревне посреди джунглей. Однако на девяносто девять процентов местность была дикая.

Как и во время предыдущих полетов, которым я уже потерял счет, на мне лежала особая ответственность. Мне оставалось лишь надеяться и молиться о том, чтобы и на этот раз я справился. Глядя вниз на джунгли, я вспоминал, как я, метеоролог, попал в элитное военное подразделение. Меня призывали из крошечного малоизвестного подразделения — Десятой эскадрильи метеорологической службы Авиационных сил особого назначения. В то время там было семьдесят два бойца, и только шестьдесят из них умели прыгать с парашютом, могли участвовать в спецоперациях и выполнять задания, такие как то, что мне сейчас предстояло.

Военные метеорологи делают примерно то, о чем вы и подумали: составляют прогноз погоды на те дни, когда запланированы военные операции. Таким образом, во время каждого задания мы должны быть в первых рядах, прогнозируя погоду на объекте. А также в небе над объектом, если это воздушная операция. Мы определяем, будет ли она успешной.

Обучаться в Авиационной метеорологической школе тяжелее, чем на других военных курсах. Это не просто предсказание «частичной облачности», чтобы людям было удобнее планировать пикники. Нужно определить, какие облачные образования будут присутствовать и на какой высоте, какова будет видимость для самолета, летящего сквозь эти облака, и когда именно разразится гроза. Мы изучали, как зародыш градины увеличивается, обрастая концентрическими кругами, похожими на кольца пня, и какая именно сила заставляет град сыпаться из тучи, словно попкорн, и обрушиваться на землю

темной завесой льда. Мы изучали климат локаций и предсказывали, когда может начаться буря и что она с собой принесет. Мы учились читать погоду в небе, чтобы иметь возможность быстро принимать решения внизу, на земле.

Решения, от которых зависит исход операции.

Когда я поступил в метеорологическую школу, у нас в группе было шестнадцать человек, и только трое из первоначального состава полностью прошли курс. Для перехода к следующей теме нужно было каждый раз сдавать экзамен по пройденному материалу, получая не ниже чем восемьдесят баллов из ста. Обучение в метеорологической школе длилось год и заняло тысячу пятьсот аудиторных часов.

Военные метеорологи должны пройти отбор дважды: в военной авиации и метеорологической школе. Когда мне это удалось, для меня это было настоящим достижением. Мое первое назначение в составе Десятой эскадрильи метеорологической службы: Форт-Брэгг в Северной Каролине. Меня прикрепили к третьей воздушно-десантной группе войск особого назначения. Все было хорошо... Лишь одно омрачало жизнь: меня не удовлетворяла моя работа — инструктирование пилотов в том, что касалось погодных условий. Я продержался там около двух лет, а потом узнал, что Авиационный полк специального назначения набирает добровольцев. Когда парней забрасывают в тыл к врагу, как это делают в АПСН, жизненно важно, чтобы они знали, каких погодных условий ожидать. В военные метеорологи можно попасть только из авиации. АПСН — элитнейшее, образцовое подразделение, и мой командир лично спрашивал меня, хочу ли я там служить.

Я обсудил это с женой, Карлой. Она всегда поддерживала меня, но на этот раз попросила отказаться от своей мечты. Мы оба знали, как опасны операции АПСН. Карлу терзали плохие предчувствия. Ей казалось, что, если я переведусь в Авиационный полк специального назначения, случится нечто ужасное.

Но командир настаивал на том, что я им нужен, и я, конечно же, хотел у них служить. Я в установленном порядке перевелся из Форт-Брэгга в Хантер Арми Эйрфилд, где была расположена штаб-квартира третьего батальона «Ночных охотников». Перевез туда семью. У нас с Карлой было трое мальчиков, и ни одному из них тогда не исполнилось и четырех лет. Конечно, было шумно и хлопотно. Мы купили скромный одноэтажный дом, со всех сторон окруженный верандой, чтобы мальчишкам было где носиться.

В Хантере меня познакомили со «Скифом». Это подземное помещение со сверхсекретным доступом, защищенное множеством прочных дверей с кодовыми замками. «Скиф» был мозговым центром АПСН. Именно отсюда мне предстояло изучать влияние погодных условий на военные операции, которые проводились по всему миру. Я с головой погрузился в новую работу, стараясь доказать, что я ничем не хуже любого военного. Я всегда присутствовал на тренировочных полетах. Иначе было нельзя. Увиливание от полетов обрекло бы меня на стандартные издевки: «Хлюпики из метеослужбы только штаны просиживать умеют». А еще меня, как и многих мужчин в моем роду, вдохновляли трудности.

Я научился чувствовать себя своим среди военных летчиков.

Несмотря на предостережения Карлы, у меня все шло просто прекрасно. Я был настоящим волшебником, когда дело касалось обработки метеорологических сводок. Мне удавалось творить чудеса, когда я анализировал статистические данные, чтобы спрогнозировать, как буря повлияет на видимость и связь, и посоветовать, как использовать скорость ветра на разной высоте, чтобы все парашютисты приземлились одновременно. Я изучал данные о волнах и течениях, чтобы можно было сбрасывать десантников в воду: мне было известно, что наши ребята не смогут плыть против течения, скорость которого больше чем миль в час. Если планировалась высадка на берег, мне нужно было знать время прилива и отлива, чтобы

иметь возможность посоветовать наиболее подходящий момент для десантирования.

А еще в сыром воздухе звук разносится быстрее, чем в сухом, и в том случае, если операция проходила в условиях высокой влажности, я должен был предупреждать наших ребят, что враг может услышать их приближение с гораздо более далекого расстояния.

Я старался пользоваться преимуществами, которые давала погода, и в то же время предупреждал, если она могла помешать. После долгого дождя реки иногда разливались настолько, что пересекать их становилось небезопасно и план по отступлению с позиции становился невыполнимым. Если это были снайперы, я должен был рассчитать, как повлияет ветер на траекторию пули. Для ночных операций я должен был предвидеть, насколько ярко будет светить луна. Например, в полнолуние может быть темно, если луна будет скрыта за тучами. Или же может быть слишком светло: тогда люди отбрасывают тени и мы в нашем укрытии становимся уязвимыми.

Если я понимал, что из-за погодных условий выполнение задания находится под угрозой, я сообщал об этом командованию. За четыре-шесть часов до начала операции я, метеоролог, должен был дать подтверждение.

И сегодня, в Эквадоре, все было как всегда. Я уже несколько недель изучал местные погодные условия. Место проведения операции находилось прямо в экваториальной ложбине, коридоре ураганов, которые бушуют вдоль экватора. В том, что касается погоды, это очень беспокойный район. Я уже отправил двух военных метеорологов на сто километров к востоку от нашей цели: они были нашими глазами и ушами и должны были предупреждать об изменениях, идущих с востока. Эти специалисты обязаны были передавать основные данные: скорость и направление ветра, температуру воздуха, виды и высоту облаков, точку росы. Точка росы — это такая температура, при которой воздух максимально насыщен